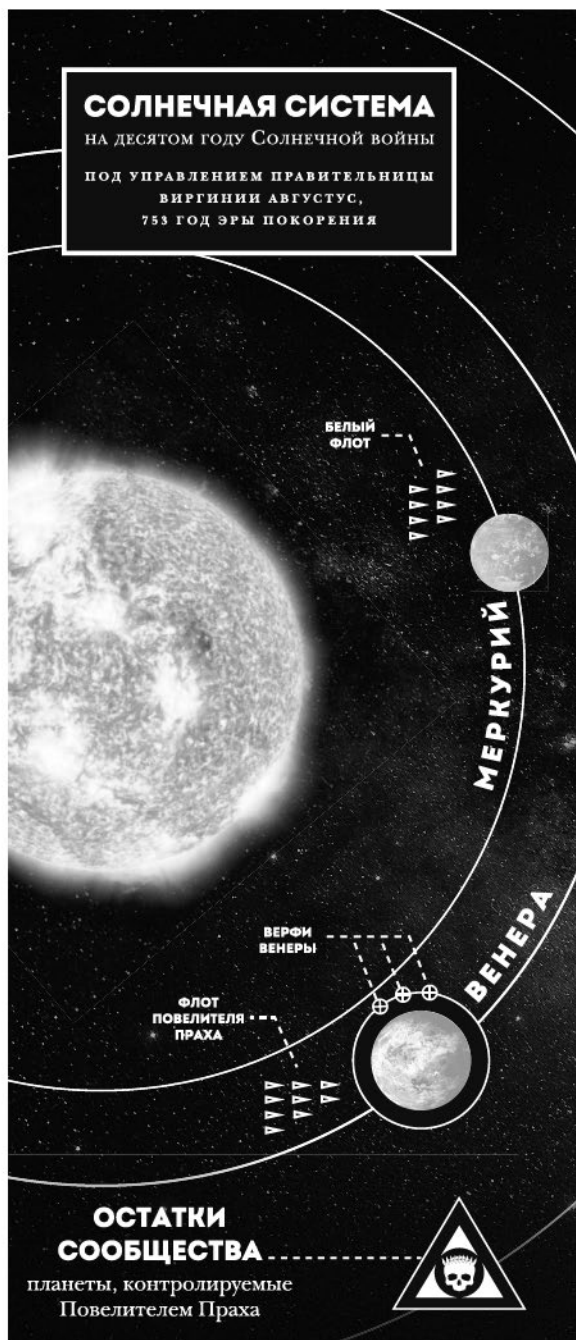

СОЛНЕЧНАЯ СИСТЕМА

на десятом году Солнечной войны
под управлением правительницы
Виргинии Августус,
753 год эры покорения

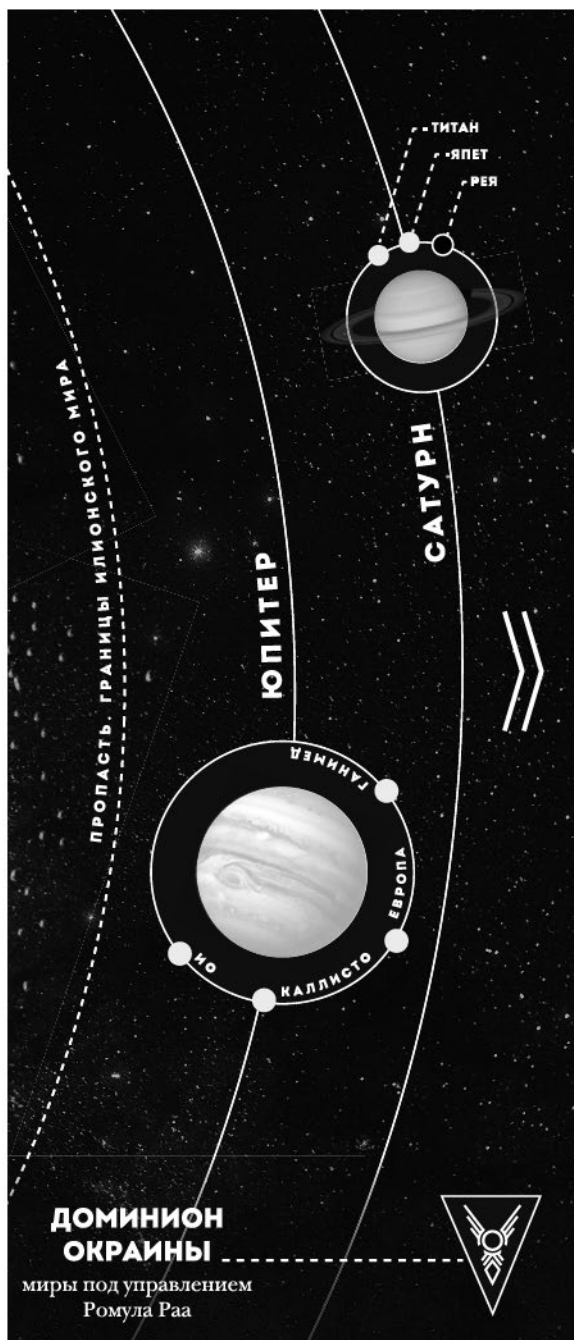
ОСТАТКИ СООБЩЕСТВА

планеты, контролируемые
Повелителем Праха

СОЛНЕЧНАЯ РЕСПУБЛИКА

планеты, освобожденные
республикой

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

АЛЫЕ

Дэрроу из Ликоса, он же Жнец, лорд-император республики, муж Виргинии

Ронна, племянница Дэрроу

Лирия из Лагалоса, алая из клана Гамма

Танзор, сенатор республики О'Фаран, помощник Ареса

Дано, сообщник Эфраима

ЗОЛОТЫЕ

Виргиния Августус, она же Мустанг, правительница республики, жена Дэрроу, мать Пакса

Пакс, сын Дэрроу и Виргинии

Магнус Гримус, он же Повелитель Праха, бывший лорд-император при Октавии

Аталантия Гримус, дочь Повелителя Праха

Кассий Беллона, бывший Рыцарь Зари, опекун Лисандра

Лисандр Луна, внук бывшей правительницы Октавии, наследник дома Луны

Севро Барка, он же Гоблин, упырь, муж Виктры

Виктра Барка, жена Севро, в девичестве Виктра Юлия

Электра Барка, дочь Севро и Виктры

Кавакс Телеманус, глава дома Телеманусов, отец Даксо

Ниоба Телеманус, жена Кавакса

Даксо Телеманус, сын и наследник Кавакса

Тракса Телеманус, дочь Кавакса и Ниобы

Ромул Раа, глава дома Раа, Повелитель Пыли, правитель доминиона окраины

Дидона Раа, жена Ромула, в девичестве Дидона Сауд

Серафина Раа, дочь Ромула и Дидоны

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Диомед Раа, он же Рыцарь Бури, сын Ромула и Дидоны
Марий Раа, квестор, сын Ромула и Дидоны
Аполлоний Валий-Рат, он же Минотавр, наследник дома Валий-Рат
Тарсус Валий-Рат, брат Аполлония
Александр Аркос, старший внук Лорна
Вандрос, упырь
Клоун, упырь
Крошка, упырь

ДРУГИЕ ЦВЕТА

Холидей Накамура, легионер, сестра Тригга, серая
Эфраим Хорн, наемник, бывший Сын Ареса, серый
Сефи, королева валькирий, сестра Рагнара, черная
Вульфгар Белый Зуб, лорд-комендант республики, черный
Вольга Фьорган, соратница Эфраима, черная
Квиксильвер, регулус Солнца, самый богатый человек в республике,
серебряный
Пита, пилот, спутница Кассия и Лисандра, синяя
Кира Ламенсис, взломщица, соратница Эфраима, зеленая
Публий Караваль, трибун и глава блока медных, медный
Микки, ваятель, фиолетовый

ПАДЕНИЕ МЕРКУРИЯ

ФУРИЯ

В безмолвии, стоя на острове из вулканического камня, она ждет падения неба. Долгая безлунная ночь зияет перед ней. Единственные звуки здесь — хлопанье знамени войны в руке ее возлюбленного и плеск теплых волн, целующих ее стальные ботинки. На сердце у нее тяжело. Дух ее неистов. Рыцари, не имеющие себе равных, высятся за ее спиной. Бусины соленых брызг на их фамильных гербах: на изумрудных кентаврах, кричащих орлах, золотых сфинксах и коронованном черепе мрачного дома ее отца. Ее золотые глаза обращены к небесам. Ожидание. Вода вздымается. Откатывается. Так пульсирует ее молчание.

ГОРОД

Тихе, сокровище Меркурия, скорчилась в страхе между горами и солнцем. Ее знаменитые стеклянные и известняковые шпили темны. Мост Предков пуст. Здесь плакал в юности Лорн Аркос, впервые увидев планету-посланицу на закате. Теперь же соленый летний ветер гонит мусор по улицам. Смолкли призывы торговцев рыбой на пристани. Не слышно топота ног по брусчатке и рокота аэрокаров, не смеются дети низших цветов, прыгая с мостов в волны палящими летними днями, когда ветра Трасмианского моря стихают. Город погружен в тишину. Богачи уже скрылись в пустынных горных убежищах или правительственных бункерах, солдаты с крыш наблюдают

за небом, бедняки сбежали в пустыню или теснятся на судах, идущих к Исмерским островам.

Но город не пуст.

Толпы людей заполняют уходящие под воду линии общественного транспорта. А в окне верхнего этажа многоквартирного дома на уродливой городской окраине, вдалеке от воды, в районе, где живут полунищие работяги, маленькая девочка с оранжевыми глазами туманит окно своим дыханием. Ночное небо искрится. Сверкает и вспыхивает всплесками света, словно фейерверки, которые ее брат иногда покупает в магазинчике на углу. Девочке говорили, что высоко в небе идет сражение между большими флотами. Она никогда не видела космических кораблей. Ее больная мать лежит в спальне и просто не в силах куда-то ехать. Ее отец, рабочий на производстве, выпускающем детали двигателей, сидит за небольшим пластиковым обеденным столом со своими сыновьями, зная, что не может защитить семью. Голографический экран омывает их бледным светом. Правительственные новостные программы велят всем искать убежище. В кармане у девочки лежит сложенный листок бумаги, который она нашла в сточной канаве. На нем — маленький изогнутый меч. Она видела его прежде по голокубу. Ее учителя в правительственной школе говорят, что меч несет хаос. Войну. Из-за него планеты ввергнуты в пламя битвы. Но сейчас девочка втайне рисует этот клинок на запотевшем от ее дыхания стекле и чувствует себя храброй.

А потом начинают падать бомбы.

БОМБЫ

Они летят с высокоорбитальных бомбардировщиков класса «тор», пилотируемых фермерами с Земли и шахтерами с Марса из Двенадцатой Солнечной эскадры. Проклятия и молитвы, племенные драконы и изогнутые серпы начертаны на бомбах аэрозольной краской. Они ныряют в облака и выскакивают из них над морем, опережая собственный звук. Их чипы наведения сделаны свободными цветами на Фобосе. Их сталь добыта

ПАДЕНИЕ МЕРКУРИЯ

и выплавлена предпринимателями Пояса. Их ионные двигательные установки отмечены крылатой стопой — знаком компании, производящей бытовую электронику, средства личной гигиены и оружие. Ниже и ниже мчатся они, не отбрасывая тени, — над пустыней, затем над морем, неся мощь новейшей из империй.

Первая бомба разрушает дворец Правосудия в Тихе, на острове Веспасиана. Потом она углубляется на сотню метров в землю и взрывается в спрятанном там бункере, убивая все живое внутри. Вторая прилетает в море и в пятнадцати километрах от флота беженцев топит военный корабль Сообщества, оставляя лишь зыбь на воде. Третья мчится над горным хребтом к северу от Тихе, но в нее попадает снаряд рельсотрона, выпущенного из оборонительной установки подростком-серым со следами акне на лице и оберегом на шее, который дала ему возлюбленная. Бомба сбивается с курса и с шипением пронесется по небу, прежде чем упасть.

Она взрывается на окраине города, далеко от моря, превращая четыре квартала многоквартирных домов в пыль.

ЖНЕЦ

Он безмолвно лежит, заключенный в человекоубийственный металл, в брюхе корабля «Утренняя звезда». Ныне страх владеет им, как это случалось множество раз прежде. Единственный звук — жужжание блока фильтрации воздуха его доспехов и радиопереговоры далеких женщин и мужчин. Вокруг лежат его друзья в таких же механических коконах. Ждут. Алые глаза, и золотые, и серые, и черные. Знак на наплечниках — голова волка. Татуировки на шеях и руках. Неистовые разрушители империи с Марса, Луны и Земли. За ними летят корабли с именами наподобие «Дух Ликоса», «Надежда Тиноса» и «Последователь Рагнара». Они выкрашены в белый цвет, и ведет их женщина с кожей оттенка оникса. Львиная Правительница сказала, что белый — это цвет весны. Цвет нового начала. Но корабли эти испятнаны. Гарь, залатанные раны и разномастные

панели. Корабли сокрушили армаду Меча и мученика Фабия. Они завоевали сердце Золотой империи. Они сражались с Повелителем Праха в центре и сдерживали драконов окраины.

Как они могли остаться чистыми?

Наедине с собой, в своих доспехах, ожидая падения с неба, он вспоминает девушку, с которой все началось. Он вспоминает, как ее рыжие волосы падали ей на глаза. Как танцевали ее губы, когда она смеялась. Как она дышала, лежа на нем, такая теплая и хрупкая в слишком холодном мире. Она мертва уже дольше, чем успела прожить. И теперь, когда ее мечта сбывается с таким размахом, он задается вопросом: могла бы она узнать об этом? А еще он спрашивает себя: если он умрет сегодня, станет ли ему известно, чем откликнулась его жизнь во Вселенной? Каким человеком вырастет его сын в мире, созданном отцом? Он вспоминает лицо сына и размышляет о том, скоро ли тот станет мужчиной. И думает о своей золотой жене. О том, как она стояла на посадочной площадке, глядя на него снизу вверх и гадая, вернется ли он домой.

Больше всего на свете он хочет, чтобы это закончилось.

Потом механизм срабатывает.

Он всем телом ощущает рывок. Стук собственного сердца. Слышит безумный гогот Гоблина и вой его друзей, пытающихся забыть своих детей и любовь и быть храбрыми. К горлу подкатывает тошнота, когда позади срабатывают магнитные рельсы. Металл содрогается и выстреливает его через пусковую шахту в безмолвный космос на скорости, в шесть раз превышающей скорость звука.

Люди называют его отцом, освободителем, военачальником, Королем рабов, Жнецом. Но, падая на раздираемую войной планету, он чувствует себя мальчишкой. Доспехи его алы, армия его огромна, на сердце у него тяжело.

Идет десятый год войны и тридцать третий год его жизни.

ЧАСТЬ I

ВЕТЕР

Самсон порабощенный, ослепленный
Есть и у нас в стране. Он сил лишен,
И цепь на нем. Но — горе! Если он
Поднимет руки в скорби исступленной —
И пошатнет, кляня свой тяжкий плен,
Столпы и основания наших стен, —
И безобразной грудой рухнут своды
Над горделивой храминой свободы!

Генри Уодсворт Лонгфелло.

Предостережение

(Перевод М. Михайлова)

1

ДЭРРОУ

Герой республики

Я устало шагаю во главе армии, наступая на цветы. Последняя часть каменной дороги передо мной усыпана лепестками. Дети бросают их из окон, и они, лениво кружась, падают со стальных башен, высящихся по обе стороны бульвара Луны. Солнце в небе умирает долгой смертью продолжительностью в неделю, окрашивая рваные облака и собравшуюся толпу в кровавые оттенки. Волны людей накатывают на заграждения службы безопасности, вдавливаясь вглубь нашего парада, а стража города Гиперион в серой форме и сине-зеленых беретах охраняет маршрут, заталкивая пьяных гуляк обратно в толпу. За оцеплением по тротуару рыскают агенты антитеррористических подразделений; их фасеточные очки сканируют радужки, руки лежат на энергетическом оружии.

Мой взгляд блуждает по толпе.

После десяти лет войны я больше не верю в мгновения мира.

Море представителей всех цветов бушует вдоль двенадцатикилометровой Виа Триумфия. Построенная сотни лет назад моим народом, алыми рабами золотых, Триумфия не раз была свидетелем торжественных шествий завоевателей Земли, покораивших континент за континентом. Грозные и надменные убийцы с железным хребтом и золотыми глазами некогда освящали эти самые камни. Теперь же, почти тысячу лет спустя, мы оскверняем священный белый мрамор Триумфии, воздавая

почести освободителям с глазами цвета гагата, пепла, ржавчины и почвы.

Когда-то это наполнило бы меня гордостью. Ликующие толпы, славящие Свободные легионы, которые вернулись, уничтожив очередную угрозу для нашей юной республики. Однако сегодня я вижу голографические изображения своей головы в окровавленной короне, слышу улюлюканье адептов «Вокс попули»¹, размахивающих флагами с рисунком перевернутой пирамиды, и не чувствую ничего, кроме тяжести непрерывной войны и отчаянного желания снова обнять близких. Я уже целый год не видел жену и сына. После долгого путешествия с Меркурия я хочу лишь вернуться к семье, упасть на кровать и проспать целый месяц без сновидений.

Передо мной лежит завершающий отрезок пути домой. Триумфия расширяется и упирается в лестницу, ведущую на Новый Форум, и я оказываюсь перед последней вершиной.

Люди, пьяные от ликования, взбудораженные новыми рекламными голограммами, глазют на меня, когда я подхожу к нижней ступени. Липкие от сладостей руки машут в воздухе. А языки, развязавшиеся от возбуждения и восторга, выкрикивают мое имя или проклинают его. Не то имя, которое дала мне мать, а то, которое я завоевал своими деяниями. Имя, которое проигравшие нобили со шрамом шепчут теперь как ругательство.

— Жнец, Жнец, Жнец! — вразнобой и вместе с тем иступленно кричат в толпе.

Этот крик удушает, будто кто-то стискивает на моем горле миллионопалую руку: все надежды, все мечты, вся боль сжимаются вокруг меня. Но конец уже близок, и я пока еще могу переставлять одну ногу за другой. Начинаю подниматься по лестнице.

Глухой лязг.

Мои металлические ботинки скрежещут по камню, будто бы на ступень обрушилась вся тяжесть потерь: Эо, Рагнар, Фичнер и все остальные, сражавшиеся и павшие на моей стороне... Тогда как я почему-то выжил.

¹ От *лат.* vox populi — глас народа.

Я высок и широкоплеч. В свои тридцать три я мощнее, чем в юности. В моем облике и движениях чувствуются сила и свирепость. Рожденный алым, ставший золотым, я сохранил то, что дал мне ваятель Микки. Эти золотые глаза и волосы теперь куда привычнее для меня, чем те, что были у мальчика из шахт Ликоса. Тот паренек рос, влюблялся, копал землю... Но он так много потерял, что иногда мне кажется, будто это произошло с другой душой.

Лязг. Еще один шаг.

Иногда я боюсь, что война убила этого мальчика внутри меня. Мне отчаянно хочется сохранить его в памяти — того парня с неопытным чистым сердцем. Забыть этот город-луну, эту Солнечную войну и, прежде чем мальчик внутри меня умрет навеки, вернуться в нутро планеты, где я появился на свет. Иначе мой сын потеряет шанс когда-нибудь узнать, каким был его отец. Но у миров, похоже, свои планы.

Лязг.

Я ощущаю тяжесть хаоса, спущенного мною с цепи: голод и геноцид на Марсе, пиратство черных в Поясе, терроризм, лучевая и другие болезни, пожирающие низшие уровни Луны, и двести миллионов жизней, потерянных за время моей войны.

Я заставляю себя улыбнуться. Сегодня наш четвертый День Освобождения. После двух лет осады Меркурий присоединился к свободным планетам: Луне, Земле и Марсу. Бары открыты. Уставшие от войны граждане бродят по улицам, выискивая повод продолжить праздник. В небо с треском взлетают фейерверки; их запускают и с небоскребов, и с крыш многоквартирных домов. Благодаря нашей победе над первой от Солнца планетой Повелитель Праха отброшен к своему последнему бастиону, планете-крепости Венере, где его потрепанный флот охраняет драгоценные верфи и оставшихся лоялистов. Я вернулся домой, чтобы убедить сенат предоставить мне корабли и людей истощенной войной республики для еще одной, последней кампании. Для завершающего удара по Венере, чтобы положить конец этой треклятой войне. И тогда я смогу наконец отложить меч и навсегда вернуться домой, к семье.

Лязг.

Улучив момент, оглядываюсь. У подножия лестницы замер в ожидании мой Седьмой легион, вернее, то, что от него осталось. Двадцать восемь тысяч мужчин и женщин — а когда-то их было пятьдесят тысяч. Не соблюдая строевой порядок, они стоят вокруг четырнадцатиконечной звезды из слоновой кости со скачущим Пегасом в центре — ее держит над головой знаменитая Тракса Телеманус по прозвищу Кувалда. Клинок Атлантии Гримус лишил Траксу левой руки, и она заменила ее металлическим экспериментальным протезом от «Сан индастриз». Ее золотые волосы, унизанные белыми перьями, подарками от почитателей-черных, выются на ветру.

В свои тридцать с лишним это крепко сбитая женщина с бедрами толщиной с водяной трубопровод и грубовато-добродушным веснушчатым лицом. Она улыбается, стоя за плечами обступивших ее черных и золотых. Синие, алые и оранжевые пилоты машут толпе. Алые, серые и бурые пехотинцы улыбаются и смеются, когда хорошенькие молодые розовые и алые подныривают под заграждение и подбегают, чтобы набросить кому-то на шею цветочную гирлянду, сунуть в руки бутылку со спиртным и поцеловать в губы. Это единственный полный легион на сегодняшнем параде. Остальные остались на Меркурии под предводительством Орион и Харнасса — сражаться с легионами Повелителя Праха, застрявшими там после отступления их флота.

Лязг.

— Не забывай, ты всего лишь смертный. — Скучающий голос Севро просачивается мне в уши, а тем временем беловолосый Вульфгар и стражи республики спускаются, чтобы приветствовать нас на середине лестницы Форума. Севро нюхает мою шею и изображает отвращение. — Ради Юпитера! Негодяй, ты что, окунулся в мочу перед парадом?

— Это одеколон, — отвечаю я. — Мустанг купила его мне на последнее Солнцестояние.

Севро на мгновение умолкает.

— Он сделан из мочи?

Я сердито смотрю на него, морщась от тяжелого запаха спиртного в его дыхании, и бросаю взгляд на потрепанную волчью

шкуру, которую он носит поверх церемониальных доспехов. Севро утверждает, что не чистил ее со времен училища.

— Ты еще будешь говорить мне про вонь? Просто заткнись и веди себя как император, — с ухмылкой говорю я.

Севро с фырканием отходит туда, где стоит в своем обычном молчании легендарная черная, Сефи Воларус. Севро притворяется ручным, но рядом с этой могучей женщиной он смахивает на бродячего пса, которого отец-алкоголик внезапно привел домой поиграть с детьми, — вымытого и избавленного от блох, но со вспыхивающим в глазах странным огоньком. Худой, тонкогубый, с кривым, словно пальцы старого ножевого бойца, носом. Он взирает на толпу с покорным отворачиванием.

За ним движется стая потрепанных упырей, которых он водил с нами на Меркурий. Мои телохранители, ныне пьяные, как парни Ликоса в день вручения лавров. В середине стаи идет несгибаемая Холидей; эта курносая женщина делает все, что только может, чтобы держать их в узде.

Раньше их было больше. Намного больше.

Я улыбаюсь Вульфгару, спускающемуся мне навстречу. Этот черный, любимый сын восстания, похож на древесный корень, скрюченный и узкий, облаченный в светло-голубую броню. Ему чуть за сорок. Лицо у него угловатое, хищное, борода заплетена, как у его героя, Рагнара. Один из тех черных, что сражались бок о бок с Рагнаром у стен Эгеи, Вульфгар был с Сынами Ареса, освободившими меня от ШАкала в Аттике. Нынешний лорд-комендант республики, он улыбается мне с верхней ступени; его черные глаза едва заметно щурятся.

— Да здравствует свобода! — говорю я с улыбкой.

— Да здравствует свобода! — откликается он.

— Вульфгар, вот так встреча! Ты пропустил Дождь, — усмехаюсь я.

— Ты же не стал дожидаться моего возвращения, — прищелкивает языком Вульфгар. — Мои дети спросят меня, где я был, когда Дождь обрушился на Меркурий, и знаешь, что я им скажу? — Он подается ко мне с заговорщической улыбкой. — Я облегчился и вытирал задницу, когда услышал, что Барка взял гору Жары. — Он хохочет.